

SHE

О ДЕВУШКАХ,
СИЛЬНЫХ ДУХОМ

Каролина Сеттерваль

давай
надеяться-
ся на
лучшее

Москва
2019

УДК 821.113.6-94
ББК 84(4Шве)-44
С33

Carolina Setterwall

LÅT OSS HOPPAS PÅ DET BÄSTA

Copyright © Carolina Setterwall 2018

Published by agreement with Ahlander Agency

Сеттерваль, Каролина.

С33   Давай надеяться на лучшее / Каролина Сеттерваль ; [пер. с швед. Ю. Колесовой]. – Москва : Эксмо, 2019. – 448 с. – (She. О девушках, сильных духом).

ISBN 978-5-04-102823-7

Во время кормления своего грудного сына Каролина получает странное письмо от любимого мужа Акселя – в нем он сообщает пароли от своего компьютера и дает распоряжения на случай своей смерти. Каролина сначала удивляется, затем раздражается – это так типично для ее несентиментального мужчины. Свое письмо Аксель заканчивает фразой: «Давай надеяться на лучшее!» Вскоре он умирает во сне.

Блистательный литературный дебют – автобиографический роман Каролины Сеттерваль – мгновенно стал бестселлером в Швеции и был переведен на 24 языка. В интимной, пронзительной манере автор рассказывает о сложностях построения отношений в современном мире – и о цене, которую приходится за это уплатить. Как справиться с утратой любимого и не утонуть в депрессии и всепоглощающем чувстве вины? Как и зачем строить новые отношения в мире, навсегда разделенном на «до» и «после»? Страшные вопросы, ответы на которые можно получить, только прожив эти события по-настоящему...

УДК 821.113.6-94
ББК 84(4Шве)-44

© Юлия Колесова, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-102823-7

МАЙ 2014

Когда приходит сообщение по электронной почте, я сижу на диване и кормлю грудью. Пожалуй, сейчас это мое единственное занятие. Кормлю, сижу со спящим ребенком на руках, стараясь не шевелиться, до смерти боясь, что он проснется и снова начнет кричать. Снова кормлю, сижу неподвижно, пытаюсь отложить спящего младенца, чтобы принять душ или поесть — мне это не удастся, я возвращаюсь на диван, кормлю. И так день за днем. Ивану еще нет трех месяцев, когда приходит это сообщение. Ты вернулся на одну из своих работ — не знаю, на какую именно, потому что ты мало о них рассказываешь. Продюсерские компании по производству рекламных роликов или режиссеры-фрилансеры в той же отрасли привлекают тебя как эксперта в области IT. Когда я спрашиваю, как ты провел день, ты отвечаешь, что все это так скучно и что у меня наверняка не хватило бы сил слушать. Раньше я настаивала, но сейчас нет. Это твое право решать, хочешь ты говорить о работе или нет.

Сама я только кормлю. По пути домой ты посылаешь мне эсэмэску с вопросом, что купить — почти все домашние дела теперь на тебе. Ты работаешь, ходишь в магазин, готовишь еду, убираешься, играешь с кошкой, которая совсем забыта с тех пор, как появился Иван. Тренировки тебе пока пришлось отложить. А я все кормлю и кормлю. И вот однажды в четверг, в начале мая, около часу дня, от тебя приходит сообщение по электронной почте.

От: Акселя

Кому: Каролине

8 мая 2014 13:05

Тема: Если я умру

Хорошо знать, если я вдруг отдам концы.

Пароль к моему компьютеру: ivan2014

Подробный список находится в папке Документы/Если я умру.gif

Давай надеяться на лучшее!

/Аксель

Я перечитываю сообщение три раза подряд. Сначала я не понимаю. Потом читаю еще раз и начинаю волноваться. После третьего прочтения подступает раздражение. В этом весь ты. Не знаю никого другого столь приземленного и несентиментального, почти болезненно реалистичного, как ты. Ты всегда предельно лаконичен в своих письмах и эсэмэсках. У тебя всегда сделан бэк-ап на компьютере и в телефоне. Ты регулярно меняешь свои пароли, и они всегда содержат прописные и строчные буквы, цифры и специальные значки. Ты сообщил мне, что не хочешь, чтобы тебя хоронили после смерти — пусть лучше развеют по ветру в каком-нибудь месте, куда никто не будет чувствовать себя обязанным приходить с цветами и свечками. Никто другой не послал бы такое в разгар дня с работы своей девушке, кормящей грудью. А ты послал.

Я не отвечаю. Вечером за ужином я спрашиваю тебя, к чему это, — и ты, как я и ожидала, отвечаешь, что у тебя вдруг возникла идея, просто на всякий случай. Что мне полезно будет это знать, если что-нибудь вдруг случится. И больше мы ни словом не упоминаем об этом письме.

2009

—

2014

ОКТАБРЬ 2014

Воскресенье, октябрь. Мы уставшие и не особенно нежны друг с другом. Мне очень мало удалось поспать, поскольку Иван опять всю ночь просыпался и требовал грудь. Пока что я не научилась засыпать в кратких перерывах между бесконечными кормлениями, и, учитывая, что Ивану скоро восемь месяцев, это начинает сказываться. Я совершенно измотана. Сегодня я раздражена, мне жалко себя. Ты в стрессе, стараешься все успеть. Ты не рассказал своим работодателям, что уже через неделю возьмешь отпуск по уходу за ребенком и будешь работать на полставки. По этому поводу мы часто ссоримся. Я хочу, чтобы ты уменьшил свою нагрузку, чтобы у тебя оставалось время — и силы — на нас, нашего ребенка, наш мирок. Ты этого не хочешь. Вернее, ты говоришь, что хочешь, но это невозможно. Объясняешь, что у фрилансеров жизнь не такая. Многие годы ты зарабатывал клиентскую базу, и, если теперь ты на полгода исчезнешь с горизонта, тебя тут же забудут. Заменят другим. Ты тоже устал. Вид у тебя расстроенный, когда ты позволяешь себе расслабиться. Ты даже не в состоянии думать о том времени, которое уже не за горами — когда ты будешь половину дня проводить дома с Иваном, а оставшееся время суток работать. Я тоже в стрессе. Обижена. Встревожена. Совсем не так я себе представляла нашу

семью. Ты говоришь, что я знала, на что шла, когда заводи́ла от тебя ребенка. Я отвечаю — я надеялась, что все будет по-другому. Никто из нас не хочет огорчать другого. В последнее время это становится все более невыполнимой задачей. Однако мы не сдаемся.

Три недели назад мы переехали — на самом деле у нас не было времени на переезд, но мы его все же осуществили. Упаковывались по ночам в те краткие промежутки, когда Иван спал один. В полном молчании, не имея тем для разговора, где дело не закончилось бы обидами или ссорой, мы укладывали вещи. Так же и переезжали. Теперь мы уже почти все распаковали, а сегодня вынуждены сделать перерыв, потому что машина забарахлила. Придется поехать к твоим родителям, чтобы папа взглянул на нее. Мы сажаем Ивана в детское креслице на заднем сиденье, ты сидишь рядом, а я за рулем. Не могу удержаться, чтобы в тысячу первый раз не сказать веселым голосом, который никого не может обмануть, что было бы неплохо, если бы у нас обоих имелись права. Стиснув зубы, ты отвечаешь, что скоро займешься этим вопросом. Я не спрашиваю, когда — у меня нет сил опять ругаться по этому поводу. Меня уже мучает совесть из-за моего комментария. В машине становится тихо. Иван в хорошем настроении, и, чтобы оно не испортилось, ты развлекаешь его всякими звуками и игрушками. Я становлюсь плохим водителем, когда Иван плачет, а никто не может развеселить его так, как ты. Когда я слышу, как вы играете на заднем сиденье, а Нюнэсвеген переходит в Тюресёвеген, которая приведет нас в Вендельсё, и дом твоих родителей уже близко, я думаю, что все равно очень люблю вас. Просто у нас сейчас немного трудный период.

Ты помогаешь отцу чинить машину. Я пью чай с твоей мамой. Она расспрашивает меня, деликатно и уважительно, как у нас дела. Я отвечаю — менее деликатно, но все же уважительно, что сейчас на нас свалилось так много всего. Мы недосыпаем, и ты в стрессе. Переезд дался нам тяжело, Ивана мучают кошмарные сны, он просит грудь по ночам. Мы даже не успеваем ничего чувствовать, говорю я, — но это ложь.

К дому подъезжает твой брат. Он не предупреждал, что придет, и я вижу через окно кухни, как вы оба обрадованы внезапной встречей. Вы смеетесь и обнимаетесь. Он хлопает тебя по спине — ты буквально исчезаешь в его объятиях. Брат всегда был гораздо больше тебя. Ниже ростом, но шире и сильнее. Я вижу, как лицо твое сияет, когда по пути к дому он рассказывает тебе что-то смешное. Твои быстрые шаги по лестнице — ты торопишься в кухню, желая показать Ивана. Твой старший брат видел его всего один раз. Встретиться как-то не получалось — в последнее время все были слишком заняты. Он разговаривает с ними, говорит, что Иван очень вырос и так похож на тебя. Он называет тебя братишкой. Пьет кофе большими глотками. А ты выпиваешь стакан колы. Потом вы возвращаетесь к машине. Я выхожу с вами во двор. Иван сидит в слинге у меня на животе. Достав из кармана телефон, я фотографирую вас, стоящих у нашей машины. Оказывается, какая-то проблема с дворниками. Вам не удастся ничего починить. На фотографии вы стоите спиной к камере, один из вас чешет в затылке. Два брата и отец, которые видятся в последний раз в жизни, не подозревая об этом.

АПРЕЛЬ 2009

В канун Вальборга¹ 2009 года я собираюсь на вечеринку в старинное школьное здание в Адельсё, которое мои друзья сняли и оборудовали по своему вкусу. Вечеринки у них всегда потрясающие. Они приглашают по несколько сотен человек, и те, что успевают ухватить билеты, пока они не раскуплены, получают билет на автобус в подарок. В актовом зале школы, пахнущем старым деревом, с высоким потолком и скрипучим полом, продают пиво и вино по закупочной цене. Поскольку сами хозяева — музыканты и деятели культуры, на их вечеринках обычно играет живая музыка и выступают группы, которые я люблю. На такую вечеринку я отправляюсь в четвертый или пятый раз. Настроение у меня приподнятое.

Мне тридцать, но в моей личной жизни пока царит полный беспорядок. Несколько дней назад я дала от ворот поворот парню из Норрланда², который поначалу показался мне мужчиной моей мечты — но я слишком быстро поняла, что это совсем не так. Тут я осталась верна себе. Выкрутилась из ситуации при помощи текста — послала ему сообщение по электронной почте о том, что никакой его вины тут нет, просто я сейчас не на том жизненном этапе. Не понимаю, почему мне всегда так сложно говорить людям «нет». Мне страшно кого-то ранить, мне чудится, что я порчу им

---

¹ Вальборг — праздник, широко отмечающийся в Швеции, Финляндии, странах Балтии, Германии, Чехии и ряде других стран. В этот день повсюду жгут костры, праздная приход весны. Христианская и языческая основа праздника уже почти забыта.

² Исторический регион в северной Швеции. Состоит из девяти провинций.

не только дни и недели, но и отнимаю у них веру в себя и радость жизни. Такое чувство вины наваливается на меня в тот момент, когда я прерываю нагоняющие тоску отношения, что я уж не раз и не два откладывала этот момент дольше, чем мне бы того хотелось. Пообещав самой себе и своему психотерапевту покончить с этим, я порываю все быстрее и раньше. Но, как всегда, меня мучает совесть. Сколько себя помню — всегда я была такой. И тут все то же самое.

Впрочем, на этот раз все прошло не так уж плохо. Возможно, дело в том, что мы встречались всего несколько недель — или в том, что он тоже не особо был в меня влюблен. На самом деле, все прошло настолько легко, что он решил сохранить свой билет на вечеринку — купленный по моему настоянию — и в любом случае поехать туда. С другом. Как друг.

Увидев его в автобусе, я испытываю неприятное чувство, но приветствую его, обнимаю и делаю вид, что все прекрасно. Словно я не испытываю никакой вины. Свободная женщина, знающая, чего она хочет. Правда же заключается в том, что я понятия не имею, чего хочу. И давно уже пребываю в этом состоянии. Смутного желания перестать встречаться с кем попало и найти того, кто окажется единственным, на практике оказалось недостаточно, чтобы все это претворить в жизнь. Уже несколько лет все идет через пень-колоду. Но парню из Норрланда не обязательно это знать. Все равно нам вместе не жить. В автобусе я начинаю пить вино, и по мере того, как пустеет бокал и удаляется Стокгольм, на душе становится легче. Все — по крайней мере в общих чертах — так, как надо.

Я танцую до упаду — ноги сами несутся в пляс. А губы сами отхлебывают вино. Забравшись в глубокую оконную нишу в актовом зале старой школы, я танцую там одна, наслаждаясь своей недоступностью, хотя многие следят за мной. Этим я прославилась в кругу друзей — всегда залезаю на мебель, барные стойки, стулья, колонки, сцены или подоконники и танцую. Обычно одна. Это уже стало темой. Так же и в этот вечер. То я на танцполе, то на подоконнике высокого окна, то забегаю в будочку диджея, где сидят хозяева вечера, проигрывая диски. Иногда отбегаю пописать в лесок, если очередь у туалета слишком длинная. Время от времени я замечаю среди людского моря отвергнутого бойфренда, и каждый раз он смотрит прямо на меня. Он кивает мне, но взгляд у него печальный. Мои друзья начинают называть его «Грустные собачьи глаза». Я смеюсь. Мы жестоки к нему, но меня это не волнует. Я танцую, я уже напилась, и все именно так, как надо.

А потом передо мной внезапно появляешься ты. Тебя я не замечала раньше — ты не мог приехать на том же автобусе, что и я. Твой друг, который знаком со мной, говорит, что представит меня человеку, который «любит меня». И вот ты стоишь передо мной. И ухмыляешься. Ты высокий и нескладный, с улыбкой, напоминающей лежачий треугольник. Улыбаешься, как ковбой из старого фильма. Улыбка кривоватая, но широкая и искренняя, она разливается по всему твоему лицу. Я успеваю подумать, что из тебя получилась бы отличная карикатура, при виде которой невольно радуешься. На тебе шапка. Мне приходится запрокинуть

голову назад, чтобы на тебя взглянуть. Ты не слышал, какими словами наш общий друг представил тебя мне, но это не имеет значения. Похоже, тебя это несколько не смутило бы.

У меня есть дурная привычка — я начинаю командовать, когда напьюсь. Словно желая обезопасить себя от ситуации, когда мне предпочтут кого-то другого, я хватаюсь за любую возможность, едва она представляется, и сегодня эта возможность — ты. Я уже решила — ты кажешься мне привлекательным. Высокий, сутулый, да еще и с такой улыбкой. Глаза у тебя огромные. Вот бы их нарисовать! Я беру тебя за руку — ты не протестуешь — и веду тебя во двор. Снаружи по-прежнему светло, на часах, наверное, часов девять, но кого волнуют такие житейские мелочи? Уж точно не меня и не тебя. На свету я вижу, что глаза у тебя невероятно голубые. Надо будет спросить у тебя, не носишь ли ты линзы. Но не сейчас.

Во дворе продают хот-доги — в маленьком домике, где когда-то был свинарник. Мы становимся в очередь, и ты крепко держишь меня за руку. Кажется, только и ждешь сигнала, чтобы поцеловать меня. Я сдерживаюсь. Спрашиваю, сколько тебе лет, и ты отвечаешь, что тебе двадцать восемь. Я испытываю большое облегчение — мне показалось, что ты моложе. Я спрашиваю, чем ты занимаешься, и ты отвечаешь: «ай ти». Я готовлюсь проанализировать твою реакцию, когда я скажу, что работаю в сфере музыки — организую большие музыкальные шоу, — но ты вообще не спрашиваешь о работе. Похоже, тебя не интересуют ни мой возраст, ни моя профессия. Похоже, тебе хочется со мной целоваться, и у тебя такая заразительная